

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

МЕХАНИЗМ ОБЩЕСЛУЖЕБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ ДИНАСТИИ ТАН*

© 2012

В.М. РЫБАКОВ

В уголовном праве китайской династии Тан (618–907) широко и разнообразно применялся принцип коллективной ответственности. Во времена Западной Хань (206–8 гг. до н.э.) делались попытки дискредитировать эту идею [Кроль, 1980, с. 154], однако после определенной модификации она вполне вписалась в конфуцианские доктрины с их повышенным вниманием к семье и правовому стимулированию семейного и уподобляемых семье единств. Во всяком случае, полезность коллективной ответственности как эффективного средства стимулирования взаимоконтроля внутри различных социальных ячеек (семьи, общины, учреждения), а также, что крайне существенно, усиления ответственности старших за младших была оценена должным образом.

Ключевые слова: традиционные общества, государство и право, эффективность бюрократии, конфуцианство, уголовные законы, идеология, династия Тан.

В зависимости от родственного или функционального характера единства коллективная ответственность подразделялась на общесемейную (*юаньцзо* 緣坐) и объединенную (*лянцзо* 連坐), чаще всего выступавшую в качестве общеслужебной. В этом последнем случае она заключалась в привлечении к суду фактически ни в чем не виновных сослуживцев допустившего ошибку или совершившего преступление чиновника.

Еще Конфуций учил: ...Будьте дружелюбны со своими братьями и распространяйте подобное отношение на государственное управление. Ибо [семья] также является управлением [Мартинов..., 2001, т. 2, с. 221].

Но и круговая порука нескольких рядом живущих семей являлась чрезвычайно эффективным управлением. В общеобязательных установлениях (*лин* 令) танского времени устанавливалось: Четыре семьи – соседи (*лин* 鄰). Пять семей – [пятидворка взаимной] ответственности (*бао* 保) [Ниида Нобору, 1964, с. 214].

В уголовном кодексе Тан “Тан люй шу и” есть несколько специальных законов, устанавливающих ответственность членов соседской пятидворки за недонесение. Например: Если в [одной из] семей, входящих в пятидворку взаимной ответственности, имело место преступление, те [из пятидворки], кто знал о нем и не изобличил [преступника], в случаях с преступлениями, наказуемыми смертью, наказываются 1 годом каторги, в случаях с преступлениями, наказуемыми ссылкой, – 100 ударами тяжелыми палками, а в случаях с преступлениями, наказуемыми каторгой, – 70 ударами тяжелыми палками. ...Пятидворка взаимной ответственности – имеется в виду, что ...пять семей взаимно отвечают одна за другую [Тан люй..., ст. 361; Уголовные установления..., 2005, с. 301].

Это была пора тесной спайки кровнородственных коллективов и тех, что строились и ощущались как подобные им. Поэтому стремление права так или иначе связать

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Уголовные законы китайской династии Тан и оптимизация деятельности бюрократии”, проект № 12-01-00017а.

круговой порукой членов всех официально признанных локальных единств было вполне оправданным и эффективным.

Идея взаимной ответственности и круговой поруки была весьма близка и, вероятно, симпатична танским законодателям, ибо в ней наилучшим образом фокусировались принципы заботы коллективистского общества о самом себе. Понятие доноса тогда еще совсем не было скомпрометировано так, как теперь. Напротив, донос был одним из наиболее достойных проявлений гражданских добродетелей. Нечто подобное круговой поруке было введено и в государственных учреждениях, с тем чтобы их внутренняя жизнь максимально соответствовала тем принципам, по которым живет вся страна.

Однако у чиновников-коллег, если кто-то из них совершал не преступление в современном смысле этого слова, но служебный недосмотр, халатность, ошибку и пр., помимо доноса существовало более эффективное и безболезненное средство: исправить эту ошибку в ходе проведения самих же рутинных служебных процедур. Это тоже было вполне в конфуцианском духе. Учитель не раз подчеркивал, что решимость исправлять свои ошибки есть важнейшая добродетель¹. Но сам же Конфуций отмечал: Все кончено! Я не встречал еще человека, который бы, видя свои ошибки, сам осудил бы себя за них! [Мартынов..., 2001, т. 2, с. 241].

Однако не все еще было кончено. На то и существует уголовное право, чтобы помогать людям вести себя правильно, когда у них не достает умения или решимости делать это самим. А если сделать уголовную ответственность за служебные ошибки коллективной, тогда нерадивость или нерешительность самого чиновника, допустившего ошибку, может быть компенсирована бдительной добросовестностью его коллег – соседей по этой своеобразной аппаратной “пятидворке”.

Если самостоятельное исправление текущих ошибок становится одной из обычных составляющих служебного процесса, то и наказывать никого не приходится, и корпоративный дух крепнет, и дело исправляется само собой, без вмешательства в деятельность учреждения посторонних лиц и карательных органов. Именно таким вполне невинным образом, не подтачивающим, а, напротив, укрепляющим единство сослуживцев, можно было побудить их неусыпно и профессионально присматривать за служебной активностью и квалификацией друг друга.

Конечно, идея коллективной ответственности в наше время считается безнадежно архаичной и находится в вопиющем противоречии с современной концепцией личной вины. Трудно не соглашаться с простой и понятной идеей, согласно которой никто не может быть наказан за то, чего не совершал. Однако и у танских законодателей была своя логика. Тот, кто сам не натворил ничего неправильного (а неправильное в ту пору было равно противозаконному), тем не менее не послужил преградой на пути распространения неправильности, совершенной кем-то другим (притом что имел возможность и обязанность это сделать), несомненно, несет за такое распространение толику вины.

Если во всеобъемлюще правильном, дотошно отрегулированном государственных законами и правилами течения событий из-за чьего-то недосмотра возникла локальная неправильность, то, разумеется, наиболее виновным должен считаться тот, кто эту неправильность своими действиями совершил или хотя бы спровоцировал. Но пока неправильность не исправлена, все, благодаря кому она перемещается по миру и кто ее не замечает – а должны были бы заметить – тоже в известной мере виновны, хотя сами ничего неправомерного не совершали. Пока искажение мировой правильности не устранено, пока крохотный очажок хаоса невидимо путешествует по упорядоченному мирозданию, он пятнает любого, кем передается все дальше и дальше.

При первом же взгляде на нормы права, определявшие механику общеслужебной ответственности сослуживцев, поражает то, что все они построены на одном краеугольном

¹ Например: “Не стыдитесь исправлять свои ошибки”. См.: [Мартынов, 2001, т. 2, с. 214]; “Если сделал ошибку, то не бойся ее исправить”. См.: [Мартынов, т. 2, с. 268]. Ну и самое знаменитое: “Ошибкой называется то, что, будучи ошибкой, не было исправлено”. См.: [Мартынов, 2001, т. 2, с. 323].

постулате, согласно которому для каждого из циркулирующих по учреждениям дел существует некое единственно верное, абсолютное решение. Тексты законов демонстрируют непробиваемую уверенность, что это решение в итоге обязательно будет найдено; всякое же отклонение от него есть в лучшем случае ошибка, которая неизбежно будет в конце концов замечена, исправлена, и острый, точный укол закономерной правды неизбежно восторжествует над бескрайним и аморфным разнообразием кривды.

Именно на двух этих аксиомах: во-первых, аксиоме виновности любого, кто послужил невольным посредником между проступком или преступлением, совершенным не им самим, и окружающим миром, и, во-вторых, аксиоме существования единственно верных решений и неизбежности их конечного принятия построены нормы танского уголовного закона об общеслужебной ответственности.

Соответствующие тексты танского уголовного кодекса “Тан люй шу и” (653 г.) изобилуют мимолетными, но впечатляющими замечаниями о том, как, собственно, протекала рутинная работа тогдашних китайских учреждений. Картина нескончаемого мерного вращения бесчисленных и ладно пригнанных шестерней сложнейшего механизма, служащая фоном для нуждающихся в карательных санкциях сбоев, буквально завораживает.

Для того чтобы проявить максимальную справедливость по отношению к халатным служащим, штат всякого учреждения подразделялся на четыре уровня служебного соучастия. Там, где штат в силу незначительности учреждения был невелик – скажем, в управлениях рынков, на внутренних таможах², – по сформулированным в статье единым и понятным правилам следовало выделить наличные уровни, три или два, и соответственно им вычислять тяжесть наказания.

Чжангуани ведали вопросами общего управления учреждением, делами учреждения в целом. *Тунпаньгуани* были непосредственными подчиненными начальников и помогали им, замещали их в случае необходимости. *Паньгуани* были начальниками подразделений, отделов данного учреждения (при наличии таковых); они ведали принятием решений по текущим конкретным делам своего подразделения (или учреждения в целом, если оно было невелико). Под *чжудянями* следует понимать в первую очередь тех, кто отвечал за первичное составление, ведение и хранение документации и выполнял текущие распоряжения паньгуаней. В своем переводе Кодекса для чжангуаней я принял перевод “начальники”, для тунпаньгуаней – старшие администраторы, для паньгуаней – администраторы и для чжудяней – старшие контрощики³.

Предположим, если Приказ Великой справедливости (*далисы* 大理寺), определяя приговор по делу, допустил нарушение, то распорядитель (*цин юй* 卿, или *тайцин* 太卿) – это начальник, младшие распорядители (*шаоцин* 少卿) и исправники (*чжэн* 正) – это старшие администраторы, помощники (*чэн* 丞) – это администраторы, смотрители и писцы (*фули* 府史) – это старшие контрощики [Тан люй..., ст. 40. *Уголовные установления...*, 1999, с. 228].

В штат Приказа Великой справедливости, в частности, входили: распорядитель (*цин юй*); 2 младших распорядителя (*шаоцин* 少卿);

2 исправника (*чжэн* 正); 6 помощников (*чэн* 丞); 2 регистратора (*чжубу* 主簿); 2 секретаря (*луши* 錄事)⁴.

² О штатах этих мелких учреждений см.: [Рыбаков, 2009, с. 472–474].

³ Для танского права чрезвычайно существенным было подразделение противозаконных деяний на так называемые общественные (*гун цзуй* 公罪, *гун цзо* 公坐) и частные (*сы цзуй* 私罪, *сы цзо* 私坐) преступления. Это подразделение, однако, было актуальным только для чиновничества. Простолюдин совершить гун цзо не мог в принципе, ибо он не функционировал в сфере *гун* – общественного управления, ведения общественных дел. К общественным преступлениям относились бескорыстные служебные промахи и недосмотры чиновников, халатность, решения, принятые неверно, но без всякой задней мысли и злого умысла. Частные преступления определялись танским правом как совершенные намеренно корыстные деяния – и в сфере личной жизни, и при осуществлении общественных дел.

⁴ Подробнее см.: [Рыбаков, 2009, с. 319–321]. Тех, кого можно было бы отнести к писцам (*фули*), среди служащих основного штата (*люнэй* 流內), т.е. чиновников, имеющих ранги, нет. Похоже, нижний уровень соучастия распространялся и на вспомогательный штат (*лювай* 流外). Среди служащих Приказа, не имевших рангов основного штата, “Новая история Тан” упоминает, в частности, 28 хра-

Тот уровень, которому принадлежал чиновник, первым сделавший ошибку, и рассматривался первым уровнем – уровнем, на котором случилось нарушение: Соответственно каждому данному случаю как главарь (*шоу* 首) рассматривается тот, из-за кого [данное преступление] произошло (*со ю* 所有) [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные указания*..., 1999, с. 227].

Наказание, полагающееся за данное преступление по соответствующей статье закона, получал, следовательно, только главарь. Первичным же правилом поуровневого применения общеслужебной ответственности было то, что с каждым удалением от исходного уровня наказание уменьшалось на 1 степень.

“Сослуживцев” Кодекс определяет так: Сослуживцы (*тунчжи* 同職) – имеются в виду чиновники, один за другим совместно подписывающие (*лянь шу* 連署) [одни и те же документы] [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные установления*..., 1999, с. 228].

Продолжая работать с тем же примером, т.е. со штатом Приказа Великой справедливости, Кодекс разъясняет: Если старший конторщик при проверке прошения (*цзянь цин* 檢請) допустил ошибку, значит, как главарь рассматривается старший конторщик. Помощники рассматриваются соучастниками 2-й степени, младшие распорядители и два исправника – соучастниками 3-й степени, а распорядитель – соучастником 4-й степени. Регистраторы и секретари также являются соучастниками 4-й степени [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные установления*..., 1999, с. 228].

Другими словами, с каждым удалением от того уровня, где совершилось преступление, наказание по общеслужебной ответственности следовало уменьшать на одну степень. В данном примере оно, в конце концов, оказывалось на уровне начальников уменьшено на три степени, т.е., скажем, один год каторги главарю (чиновнику, который лично совершил ошибку или недосмотр) превращался на 4-м уровне общеслужебной ответственности в 80 ударов тяжелыми палками.

Однако танские законы отнюдь не склонны были абсолютизировать вечную виновность “стрелочников”. Ошибка, с их точки зрения, была возможна на любом уровне, и в соответствии с тем, кто именно виновен, надлежало распределять виновность на тех, кто не сумел вовремя одернуть или поправить виновника нарушения.

Если при решении приговора по делу ошибся помощник, т.е. паньгуань, главарем рассматривался именно он. Младшие распорядители и исправники (тунпаньгуани) квалифицировались как соучастники 2-го уровня. Распорядитель (чжангуань) – как соучастник 3-го уровня. Конторщик (*дянь*), чья первичная подпись стояла на составленном им документе (прохождение которого так подпортил своим неверным вмешательством кто-то из помощников), рассматривался как соучастник 4-го уровня, т.е. получал минимально возможное для данной ситуации наказание.

Однако все-таки он его получал – хотя, с нашей точки зрения, казалось бы, не мог быть виноват в ошибке непосредственного начальника. Делалось ли это просто “за компанию”, для полноты охвата, или в качестве настоятельного пожелания впредь составлять документы попроще и поточнее, дабы снизить вероятность ошибок начальства, – трудно сказать.

Во всяком случае, механика уровней была не так проста, как могло бы показаться после рассмотрения первого примера. Процедура вовсе не сводилась к автоматическому уменьшению наказания на одну степень с каждым удалением на один уровень от исходного. Это правило действовало только при движении ошибки вверх. Если ошибка была допущена на 2-м уровне снизу (уровне администраторов), на ближайшем к этому исходному низшем уровне (уровне конторщиков) тому служащему, чья подпись стояла на данном документе, полагалось наказание, уменьшенное не на одну степень, а на все три. То есть этот низовой уровень фактически оказывался от исходного более далеким, чем даже уровень начальства.

нителей (*фу* 府) – в первую очередь, надо полагать, архивариусов и кладовщиков, 56 писцов (*ши* 史), 6 писцов при тюрьмах (*юйши* 獄史) и пр. См.: [Синь Тан шу, 1975,], с. 1256].

А если нарушение происходило еще выше, т.е. если на уровне тунпаньгуаней принималось решение, отличное от предлагавшегося паньгуанями, как раз оно оказывалось неверным, уровни, расположенные ниже того, на котором была сделана ошибка, вообще не подлежали общеслужебной ответственности. Если [на уровне] главных администраторов или выше [было принято] решение, отличное [от предыдущего], и в нем имела ошибка, ответственности подлежат только чиновники, принявшие отличное [от предыдущего] решение и выше [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные установления...*, 1999, с. 228].

Законодатели, по всей видимости, принимали как очевидную данность, что способность контрощиков и даже помощников ограничивать свободу принятия решений теми, кто был принципиально выше и полномочнее их, была, мягко говоря, ничтожной. Но в таком случае и простая логика, и высокая справедливость требовали признать, что и разделять ответственность за ошибки с вышестоящими чжудяни и паньгуани не должны. К чести творцов Кодекса, они пошли по пути логики и справедливости. Пусть даже с самого низа и почти до завершения прохождения дела по инстанциям учреждения все решения принимались неверно, или от уровня к уровню в них царил полный разнобой (*и ши и фэй* – 是非). Однако, если ошибка не вышла за пределы учреждения, если его начальник каким-то чудом ухитрился перед отправкой дела в иные инстанции вынести окончательное решение закономерным и единственно верным образом, – тогда все его подчиненные, приложившие руку к путанице предлагаемых решений, полностью освобождались от ответственности.

Применение общеслужебной ответственности не ограничивалось рамками одного учреждения. Если дело проходило несколько инстанций, все они вовлекались в тот же ступенчатый процесс стекания ответственности от максимума к минимуму. Это позволяло склеивать отношения взаимоконтроля и неразрывно с ним связанной взаимовыручки не просто служащих каждого органа по отдельности, но, что для страны в целом было куда предпочтительнее, все бесчисленные цепочки бумажной циркуляции, а по сути – весь корпус чиновничества. Каждый мог подвести каждого, и каждый мог спасти каждого. Беспорочная служба всех зависела от бдительности и служебной добросовестности любого.

В принципе у прошедшего обработку в учреждении документа могло быть лишь три пути: вбок, вверх и вниз. Во-первых, в соседнее учреждение, не связанное с первым отношениями подчинения, например, из одного приказа (*сы* 寺) в другой, из одного округа (*чжоу* 州) или уезда (*сянь* 縣) в другой округ или уезд; или, как вариант, – в соседний отдел того же учреждения. Во-вторых, в вышестоящую инстанцию, например из управления (*цзянь* 監) на Террасу державных наблюдателей (*юйшитай* 御史臺) или из округа в Правительствующий надзор (*шаньшуншэн* 尚書省). В-третьих – в инстанцию нижестоящую, например из Правительствующего надзора в округ. Для всех этих трех возможностей были предусмотрены в принципе идентичные правила, несколько модифицированные лишь в зависимости от соотношения возможностей верхних и нижних отвечать друг за друга и поправлять друг друга: Если другие чиновники или же чиновники [более] высоких [инстанций], анализируя дело, не обнаружили [нарушения]... наказание последовательно уменьшается на одну степень. Чиновникам [более] низких [инстанций], не обнаружившим [нарушения], наказание последовательно уменьшается еще на одну степень. ...Как главарь рассматривается тот, из-за кого [данное преступление] произошло (*со* 有). Уменьшается – имеется в виду, что главарю уменьшается [относительно] главаря, а соучастникам уменьшается [относительно] соучастников [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные установления...*, 1999, с. 232].

Если в учреждение сбоку или снизу проникало неверно или неточно составленное или решенное дело, тот, кто послужил источником “инфицирования” родной организации, оказывался главарем уже относительно нее. Значит, он должен был быть наказан на одну степень легче, чем главарь организации – источника заразы. Затем уже служащие зараженной инстанции подразделялись на те же четыре (или сколько их

можно было выделить) уровня служебного соучастия, а далее процесс распределения ответственности шел по общим правилам: не обнаружившие нарушения служащие 2-го уровня получали наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с наказанием служащих 2-го уровня исходной инстанции, служащие 3-го уровня – на одну степень меньше служащих 3-го уровня исходной инстанции и т.д.

Если же сверху вниз (например, из надзора в округ) поступил документ, в котором не было выявлено нечто несообразное, тот служащий округа, который этого не заметил, не отправил документ обратно с просьбой разобраться, а принял его к дальнейшему прохождению, тот, через кого ошибка проникла в окружную администрацию, оказывался уже окружным главарем. Но ответственность центрального аппарата, конечно же, считалась выше ответственности окружной. Да и требования к квалификации центрального аппарата были строже. Поэтому необнаружение несообразностей в документе, поступившем сверху, наказывалось чуть легче. Окружной главарь подлежал наказанию, уже на две степени более легкому, нежели главарь в надзоре. Служащие округа также подразделялись на четыре уровня соучастия, и каждый получал наказание, уменьшенное на две степени относительно наказания на соответствующем уровне в исходном столичном учреждении.

Отдельного пункта статьи удостоились служащие Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省)⁵, поскольку именно и только через них основная масса документации, предназначенной для глаз императора, и впрямь попадала ему на глаза. Как правило, подобные дела поступали в Привратный надзор из Правительствующего надзора. Проработка каждого такого документа была особо тщательной: сначала его проверял секретарь (*луши* 錄事), затем вычитывал срединный податель дел (*цзишичжун* 給事中), анализировал дело молодец-служитель (*шилан* 侍郎) и, наконец, глава надзора, срединный служитель (*шичжун* 侍中), производил его завершающую проверку, последнюю перед тем, как документ достигал зенита значимости: представлял перед Сыном Неба.

Если через все эти фильтры просачивалась ошибка или неточность, цепочка нерадивых придворных от начала до конца, от луши до шичжуна, подлежала наказанию по общеслужебной ответственности. Причем – без подразделения на уровни соучастия. Им всем равно полагалось наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с наказанием соучастников 4-го уровня, пославших в мэньсяшэн дефектную бумагу учреждения.

Очень характерно предельно честное и в то же время по-детски простодушное объяснение, которое творцы Кодекса сочли нужным дать тому факту, что в отличие от всех предыдущих ситуаций служащие привратного надзора не подразделялись на уровни: Поскольку в уголовных установлениях сказано, что наказание уменьшается относительно низшего уровня, то наказание, которое получается [в результате оказывается] очень легким. Если еще и его последовательно уменьшать, некоторые окажутся [и совсем] без наказания [Тан луй..., Ст. 40; *Уголовные установления...*, 1999, с. 234].

То ли из-за особого положения Привратного надзора как единственного и высшего посредника между бумажной рутинной и персоной императора, то ли потому, что в надзоре чиновники не имели дела с реальной жизненной конкретикой и потому в принципе не могли пощупать и взвесить, на деле проверить то, о чем шла речь в получаемых ими документах, возлагать на них ответственность на общих основаниях было, наверное, и впрямь невозможно.

Служащие Привратного надзора ни в коем случае не могли получить наказание более суровое, чем кто-либо в исходной, изначально виновной организации. А это вполне могло бы случиться, если бы их разбили на уровни; соучастник 2-го уровня в Привратном надзоре (не говоря уж о том, кто послужил там источником заражения) вполне мог оказаться под угрозой более тяжелого наказания, чем соучастник

⁵ Об этом учреждении и его штате см.: [Рыбаков, 2009, с. 239–242].

4-го уровня исходной организации – а это было бы по отношению к ближайшим сотрудникам владыки вопиющей несправедливостью. Поэтому для Привратного надзора карательные меры следовало отсчитывать не от наиболее тяжелого, но от наиболее легкого наказания, которому могли подвергнуться служащие той инстанции, что была источником заражения.

Служащие Привратного надзора уровнем ниже секретаря (луши 錄事), т.е. конторщики, пусть и имевшие дело с проникшим в мэнсяшэн дефектным документом, не имели прерогатив его править, вычитывать, анализировать и пр. – и потому вообще не подлежали ответственности.

Ответственность снималась со всех, кроме служащих исходной организации, и в тех случаях, когда несообразности документа не были выявлены по объективным причинам, в силу качества самого документа. Вбок ли, вверх ли, вниз передавалась дефектная бумага из того органа, где она была впервые составлена, – служащие последующих учреждений, даже если несообразность ими так и не была выявлена, не подлежали ответственности: Если выражения [документа и изложенные в нем] обстоятельства неясны и затемнены, так что при проверке их нельзя понять, наказания не определяются. Выражения [документа] неясны, а [изложенные в нем] обстоятельства затемнены – имеется в виду, что есть пропущенные или неправильно написанные иероглифы либо обстоятельства дела преувеличены или преуменьшены. Если выражения [документа] неясны, а [изложенные в нем] обстоятельства скрыты, при повторном рассмотрении дела трудно обнаружить [отклонения от должного и ошибки]... [Тан люй..., Ст. 40; *Уголовные установления...*, 1999, с. 234].

Все эти сложные алгоритмы вычислений действовали именно таким образом, только если первоначальное преступление было общественным (*гун цзо* 公坐).

Однако ни для кого не секрет, и полторы тысячи лет назад тоже не было секретом, что государственный служащий может принять неверное и неправомерное решение, а также и что-то просто напутать в документах не только в силу бескорыстного недомотра, случайной ошибки, невнимательности или недостатка квалификации. Самым серьезным негативным атрибутом ответственной и полномочной государственной службы является то, что она полна соблазнов использовать предоставляемые ею общественные возможности в частных целях – вульгарно корыстных или тех, что диктуются гипертрофированным честолюбием либо, например, патологическим стремлением к самоутверждению за счет коллег.

К сожалению, атрибут соблазнов неотъемлем, ибо вместе с ним пришлось бы отобрать и сами полномочия, ради осуществления которых, собственно, государственная служба существует. Над решением этой квадратуры круга все культуры мира, каждая по своему, бьются с переменным успехом с того самого момента, как ими порождались государства.

Любой промах по службе может иметь две причины: либо оплошность, либо сознательное стремление сделать именно так, а не иначе. Любое неверное решение может быть обусловлено как явным просчетом, так и тайным расчетом. При этом, что очень существенно, с виду неправомерное действие, совершенное по ошибке, никак не будет отличаться от того же действия, совершенного умышленно. Выяснение подлинных мотиваций всегда есть задача специального следствия.

Разница в наказаниях здесь должна была быть не меньше, чем, скажем, разница в наказаниях случайного убийства и убийства преднамеренного⁶.

⁶ “Всякому, кто нечаянно убил человека или нечаянно нанес человеку телесное повреждение... исходя из обстоятельств произошедшего”, разрешалось от полагавшегося в данном случае наказания откупаться деньгами. См.: [Тан люй..., ст. 339; *Уголовные установления...*, 2005, с. 246]. “Всякий, кто, нанеся побои в драке, убил человека, наказывается удушением. Если использовал колющее или режущее [орудие] либо убил человека преднамеренно – наказывается обезглавливанием”. См.: [Тан люй..., ст. 306; *Уголовные установления...*, 2005, с. 158].

Один из самых существенных принципов общеслужебной ответственности был таков: если некто совершал неправомерное действие по службе преднамеренно и в силу личных причин, он и наказывался как осознанно и преднамеренно совершивший преступление подданный. Те его сослуживцы, что не выявили возникший недосмотр просто по халатности, получали наказание согласно уровням служебного соучастия так, как если бы и исходный преступник, главарь (в реальности, например, принявший незаконное решение за взятку), совершил свою ошибку по халатности: ...Имеется в виду, что среди чиновников, один за другим принимавших решения [по одному тому же делу], а также конторщиков, [кто-либо] имел частные мотивы (*сы 私*) и преднамеренно нарушил правильную закономерность (*чжэнли 正理*). Остальным чиновникам, один за другим совместно принимавшим решение [по тому же делу] (*ляньпань 連判*) и не знавшим об обстоятельстве затаенных частных мотивов (*се сы цин 挾私情*), наказание определяется как за ошибку [Тан люй..., ст. 40; *Уголовные установления...*, 1999, с. 230].

Если же преднамеренные преступные действия имели место на двух или более уровнях соучастия, тот, кто их инициировал, проходил как главарь, а те, кто на последующих уровнях преднамеренно не выявили неправильность – как его соучастники. Остальные же, не имевшие личных мотивов, но просто не заметившие нарушения, получали наказания в соответствии с уровнями служебного соучастия, как если бы исходное преступление было общественным, т.е. осуществлено по ошибке, непреднамеренно.

Например, если некий конторщик, имея частный мотив, при первичном составлении дела умышленно искажил, преувеличил или приуменьшил (*цзэн цзянь 增減*) обстоятельства, а администратор, тоже по своим личным соображениям, не выявил подтасовки, то конторщик был главарем, а администратор – соучастником. Если, например, результатом совершенного конторщиком искажения было то, что человек, совершивший наказуемое ссылкой за преступление, согласно изложенным в деле обстоятельствам мог быть вполне закономерно полностью оправдан, конторщик-главарь, в свою очередь, должен был быть наказан этой же самой ссылкой⁷. Его сообщник, действовавший осознанно и намеренно, получал, как в принципе и полагалось соучастнику преступления, наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с наказанием главаря⁸, т.е. три года каторги. Не участвовавшие в сговоре и сознательном искажении закона сослуживцы получали наказание по уровням соучастия, но отсчет вычисления для них велся не от ссылки. Для сослуживцев, ошибочно не выявивших преднамеренного искажения, отправной точкой было наказание, полагавшееся за ошибочное, непреднамеренное выведение из-под наказания ссылкой, т.е. уменьшенное относительно ссылки на пять степеней, – стало быть, один год каторги. Уменьшение этого наказания на две степени на 3-м уровне соучастия, т.е. на уровне старших администраторов, давало 90 ударов тяжелыми палками, а на уровне начальства, т.е. на 4-м уровне, – 80 ударов тяжелыми палками.

Одним из наиболее существенных положений, направленных на ответственное сплочение бюрократии, на усиление отношений взаимного надзора и взаимного спасения среди сослуживцев, было то, что закон предусматривал полное прощение

⁷ “Всякому ответственному чиновнику, который подвел человека под наказание (*жу цзуй 入罪*), если подведение было полным, наказание определяется согласно полному подведению. ...При выведении из-под наказания (*чу цзуй 出罪*) соответственно каждому данному случаю [действуют] таким же образом. ...Имеется в виду, что, например, преднамеренно преувеличил или преуменьшил обстоятельства в достаточной для изменения дела [степени]... Если же при вынесении приговора была совершена ошибка в сторону подведения, соответственно каждому данному случаю [виновный] получает наказание, уменьшенное на три степени [относительно полагавшегося бы за данное преднамеренное подведение]. Если ошибка была совершена в сторону выведения, соответственно каждому данному случаю [виновный] получает наказание, уменьшенное на пять степеней”. См.: [Тан люй..., ст. 487; *Уголовные установления...*, 2008, с. 200–201, 204–205].

⁸ “Всякий раз, когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь. Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на одну степень”. См.: [Тан люй..., ст. 42; *Уголовные установления...*, 1999, с. 237–238].

для всей цепочки чиновников, имевших дело с каким-либо несообразным делом или документом, если хотя бы кто-то из них сам замечал неправильность и сообщал о ней.

Предпочтительным был, конечно, вариант, когда выявлял ошибку и делал о ней заявление сам ее допустивший, но такой вариант не являлся единственно спасительным: Всякому, кто допустил ошибку или неточность в общественных делах, но сам обнаружил ее (*цзюэ* 覺) и заявил о ней (*цзюй* 舉), преступление его прощается (*юань* 原). ...Если один человек из подлежащих общеслужебной ответственности сам обнаружил [ошибку или неточность] и заявил [о ней], остальным [преступление] также прощается [Тан люй..., ст. 41; *Уголовные установления*..., 1999, с. 234–235].

Другими словами, любой из подписывавших данную бумагу чиновников, от старших конторщиков до начальников, имел возможность спасти всех остальных от грозящего в неопределенном будущем наказания, если замечал неправильность и делал ее гласной. Выявление ошибки и заявление о ней, видимо, однозначно подразумевали возможность ее немедленного исправления.

Правда, оставались два вполне оправданных ограничения. Во-первых, преступление не прощалось тем, кто имел корыстный интерес (хотя прощалось при этом всем бескорыстным сослуживцам данной цепочки, виновным всего лишь в недосмотре). Во-вторых, оно не прощалось, если саморазоблачение последовало уже после того, как ошибка была замечена со стороны. Кроме того, исполнение данного правила редуцировалось или вовсе блокировалось, если ошибка имела непоправимые последствия.

Интересно, конечно, насколько велик был срок, в течение которого выявление ошибки и ее оглашение могло послужить поводом для освобождения всей цепочки сослуживцев от гипотетического грядущего торжества справедливости. Об этом ничего не говорится. Но, поскольку в разновидностях подобной коллизии упоминаются, например, сроки каторги в один год и более, можно заключить, что, пока непоправимых последствий не возникло (а дела, не связанные, например, с уголовными наказаниями или какими-то иными необратимыми действиями, могли лежать в архивах многие годы), конкретных временных рамок саморазоблачению, по всей видимости, не ставилось.

Если же ошибка или неточность были допущены в определении приговора к битью палками или смертной казни и приговор уже был приведен в исполнение, никакое оглашение ошибки кем-либо из сослуживцев не могло избавить от наказания никого из просмотревших ошибку коллег. Главари, т.е. исходный виновник ошибки, получал наказание, полагающееся за ошибочное подведение под неправильный приговор. Остальным оно уменьшалось по уровням согласно общим правилам. Ровно то же происходило, если в приговоре фигурировала ссылка и несправедно осужденный уже достиг места, определенного ему под поселение. Когда в приговоре фигурировала каторга, подход несколько модифицировался: если саморазоблачение произошло уже после того, как несправедно осужденный отработал весь срок, никакого послабления сослуживцам не делалось. Если же срок к моменту саморазоблачения был отработан лишь частично, осужденный избавлялся от остального, еще грозившего ему срока, а допустивший ошибку сонм сослуживцев получал наказание за ошибочное подведение под тот срок каторжных работ, который их жертва уже вынуждена была ни за что ни про что отбыть.

К роду необратимых последствий, правда, несравненно более легкого характера, относилась задержка работы над делами относительно нормативных сроков, отведенных на документ данного рода и данного объема⁹. Если кто-либо из цепочки

⁹ Например: “Всякий раз, как Правительствующий надзор должен ввести в действие (*шисин* 施行) Указ (*чжи* 制) или Высочайшее распоряжение (*чи* 敕), по завершении составления текста документа для его распространения всегда предоставляется время, отведенное на его копирование (*гэй чао чэн* 給抄程). [При работе с] официальными документами производится общий расчет (*тунцизи* 通計), и [при объеме в] 200 листов или меньше дается два дня, а по превышении [объема в] 200 листов на каждые следующие 200 листов отводится один добавочный день. Хотя бы [подобных] увеличений [числа] листов и было много, в целом отведенный срок не может превышать пяти дней. Время, отведенное на документы об отмене приговоров, хотя бы там листов и было много, не может превышать трех дней. Документы о срочных военных делах все должны завершаться в тот же день” [Ниида Нобору, 1964, с. 598]. “Время на копирование отводится... после завер-

сослуживцев замечал, что прохождение документа по инстанциям учреждения затягивается относительно нормативных сроков и сам сообщал об этом, прощение получали чиновники всех уровней, кроме старших канторщиков.

Особое к ним отношение объяснялось в данном случае, вероятно, тем, что именно от них, от скорости, с которой они заполняли документы, в первую очередь зависел темп работы с делами. Поэтому оставлять канторщиков совсем без наказания считалось, видимо, непедагогичным и уж, во всяком случае, несправедливым. Даже если задержку обнаруживал сам канторщик и сам заявлял о ней, наказание лишь уменьшалось на две степени по сравнению с тем, какое полагалось бы при данной задержке. Чиновники же более высоких уровней, поскольку нарушение заметили не они, тоже не получали в таком случае полного прощения, а подразделялись, как обычно, на уровни служебного соучастия, и наказание им уменьшалось согласно уровням, притом что исходным полагалось наказание канторщика, уже уменьшенное на две степени за то, что он выявил задержку и огласил ее.

В Кодексе ничего не говорится о выявлении ошибок, сделанном уже в иных учреждениях. Следуя, однако, логике и духу памятника, мы можем предположить, что при отсутствии необратимых последствий (в том числе некомпенсируемых задержек) обнаружение несообразностей на любом этапе прохождения документа, сколько бы инстанций он к тому моменту ни миновал, освобождало от наказания всех имевших к нему касательство служащих.

Анализ норм, законодательно оформлявших общеслужебную ответственность, убеждает: трудно представить себе более эффективный и в то же время более естественным образом функционирующий правовой механизм, который одновременно повышал бы в среде чиновничества и взаимоконтроль, и чувство локтя. Причем самым существенным, как мне представляется, тут было то, что укреплялись обе эти мотивации одновременно. При иных подходах чаще бывает наоборот: если укрепляется корпоративность, ослабевает дисциплина; если укрепляется дисциплина, возрастает взаимная подозрительность и разобщенность. Найденный китайскими законодателями механизм был, похоже, в этом отношении безупречным – настолько, насколько вообще уголовное право может быть средством обеспечения социальной гармонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кроль Ю.Л. Правовые воззрения ханьских конфуцианцев // *XI научная конференция “Общество и государство в Китае”*. М., 1980.
- Мартынов А.С. *Конфуцианство*. “Лунь юй”. Т. 1–2. СПб., 2001.
- Ниида Нобору. *То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан)*. Токио, 1964.
- Рыбаков В.М. *Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура*. СПб., 2009.
- Синь Тан шу (Новая история Тан)*. Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // *Цуншу цзичэн (Библиотека-серия)*. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и)* / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и)* / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб., 2001.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и)* / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и)* / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008.

шения [работы] над документом. В соответствии с общеобязательными установлениями для завершения [работы] над документами Указов или Высочайших распоряжений не предоставляется отдельного времени, таким образом, она должна завершаться в тот же день” [Тан луй..., ст. 41; *Уголовные установления...*, 1999, с. 236–237]. “Всякий, кто затянул [прохождение] Указа, за 1 день наказывается 50 ударами легкими палками. За [каждый последующий] день наказание увеличивается на 1 степень. За 10 дней – один год каторги” [Тан луй..., ст. 111; *Уголовные установления...*, 2001, с. 44].